

КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ПАРЕМИОЛОГИИ И НАЦИОНАЛЬНАЯ КАРТИНА МИРА В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

Под паремиологией мы понимаем совокупность устойчивых высказываний, относящихся к малым фольклорным жанрам: в первую очередь это пословицы и поговорки, а также афоризмы и крылатые слова, загадки и прибаутки и т. п. Для их «внутреннего» разграничения предлагаются различные критерии, а именно: наличие / отсутствие образного плана, разная степень обобщенности значения, разная степень воспроизводимости, особенности синтаксической структуры, способ участия грамматических категорий лица, числа, времени и т. п. ([Жуков 1968: 11]; [Мечковская 2002]; [Солодуб, Альбрехт 2002: 195–196]; [Lüger 1999: 6–27]; [Roos 2001: 14–20] и др.). В нашем случае, однако, эти различия представляются несущественными. Более того, исповедуя «широкое» понимание фразеологии, мы считаем, что фразеология вместе с паремиологией образует единую сферу идиоматики (как известно, данная точка зрения характерна для многих отечественных и зарубежных исследователей (см.: [Шанский 1969]; [Киршова 2001]; [Burger, Buhofer, Sialm 1982]; [Sandig 1994] и др.). Отсутствие резких границ между данными типами языковых средств проявляется и в том, что пословица или поговорка нередко «сворачивается» до фразеологизма, а фразеологизм, со своей стороны, может «разрастись» до объема поговорки или пословицы. Примерами могут служить такие русские выражения, как *ради красного словца не пощадит ни матери, ни отца* (пословица) ср. *ради красного словца* (фразеологизм), а также: *стреляного воробья на мякине не проведешь* ср. *стреляный воробей*; *гляди в оба, зри в три* ср. *глядеть в оба*; *не учи ученого есть хлеба печеные* ср. *не учи ученого* и т. п. Существует также взаимосвязь и взаимодействие и между другими типами паремий – афоризмами, прибаутками, реминисценциями и т. д.

Понятно, что в целом использование устойчивых выражений есть актуализация накопленного коллективного опыта в индивидуальной речевой ситуации. Допустим, если мы хотим в конкретном случае выразить по-русски свое недоверчивое отношение к какой-то информации, то можем прибегнуть к уже «готовым» выражениям вроде *Этого не может быть! Это еще бабушка надвое сказала; Виллами по воде писано; Как бы не так! Еще чего скажешь! Свежо*

предание, да верится с трудом; Что за чушь! Не вешай мне лапшу на уши! и т. п. Говоря по-другому, идиомы служат преобразованию и использованию в оперативной памяти той информации, которая уже имеется в долговременной памяти общающихся. Можно предположить, что механизмы преобразования одного типа информации в другой носят системный характер и поддаются описанию.

Изучение фразеологического и паремиологического фонда привлекает сегодня не только «чистых» лингвистов и фольклористов: данный материал становится объектом внимания культурологов, психологов, социологов, этнографов. При этом имеется в виду, что анализ и обобщение закрепленного в фольклоре коллективного опыта, «народной мудрости» позволит глубже проникнуть в самую душу народа. Вот как об этом писал крупнейший авторитет в области славянской этнолингвистики Н. И. Толстой: «...Определение [народного] менталитета и особенно его основных компонентов невозможно без объединенных и одновременных усилий разных наук – фольклористики, этнографии (этнопсихологии), языкознания, социологии» [Толстой 1995: 38].

Естественно, для психолога или социолога обращение к фольклорному материалу выгодно: оно обеспечивает твердую фактическую почву для построения концептуальных моделей. Что же касается филологов, то распространение данных, полученных при анализе фразеологизмов и паремий, на всю сферу духовной культуры социума также выглядит привлекательным. Языковые факты при этом получают дополнительную глубину, они освещаются (и освящаются!) внутренним светом народного менталитета. Приведем в качестве подтверждения цитату из книги В. Н. Телия (в оригинале весь пассаж выделен разрядкой – видимо, для того, чтобы подчеркнуть его значимость): «В языке закрепляются и фразеологизируются именно те образные выражения, которые ассоциируются с культурно-национальными эталонами, стереотипами, мифологемами и т. п. и которые при употреблении в речи воспроизводят характерный для той или иной лингвокультурной общности менталитет...» [Телия 1996: 233].

В свете такой – этнопсихологической – значимости фразеологического и, особенно, паремиологического материала вполне закономерным выглядит также то, что отдельные выражения приобретают смысл паролей или символов для соответствующих эпох или общественно-политических формаций: они как бы концентрируют в себе всю суть данного феномена. В частности, опознавательными знаками социалистического строя в СССР стали, наряду с архаичными

Славянский вестник. Вып. 2. М.: МАКС Пресс, 2004. 608 с.

пословицами вроде *Терпение и труд все перетрут; Кончил дело – гуляй смело; От трудов праведных не наживешь палат каменных* и т. п., также новые, «рукотворные» паремии, например: *Лучше меньше, да лучше; Кадры решают все; Человек человеку друг, товарищ и брат* и т. п. В совокупности с системой общественных призывов и здравниц (представлявшей «лозунговый универсум», по: [Левин 1988: 78–82]), они создавали особую интертекстуальную шкалу ценностей, определявшую рефлексии и поступки отдельного человека (в том числе героя художественной литературы).

Так, русское выражение *не выносить сор из избы* ‘не делать свои ошибки и недостатки достоянием общности’ становится значимым, символическим в следующем четверостишии Игоря Губермана:

*Послушные пословицам России,
живя под неусыпным их надзором,
мы сора из избы не выносили,
а тихо отравлялись этим сором.*

Паремии приобретают особую – символическую – функцию не только в диахроническом плане, как знаки определенных эпох и формаций, но и в синхронном – при сопоставлении различных языковых культур. Трудно переоценить в данном свете ту роль, которую играют уже имеющиеся и вновь создаваемые издания параллельных корпусов паремий разных языков (см., в частности: [Čelakovský 1949]; [Балканска народна мъдрост 1968]; [Котова 2000] и др.). Вместе с тем понятно, что выводы о своеобразии народного духа, о специфике того или иного менталитета приобретают истинную ценность только на фоне наблюдений над материалом, представляющим иные «лингвокультурные общности». В этом смысле рассуждения о месте таких концептов, как «безделье», «женщина», «свое / чужое» и т. п. в русскоязычном сознании, представленные в [Телия 1996: 256–269], претендуют скорее на универсальный, общечеловеческий характер.

Активизация исследований в данной области связана с развитием когнитивистского направления в языкознании и с пересмотром роли метафоры в познавательной деятельности человека. После работ Дж. Лакоффа, М. Тёрнера, М. Джонсона, Р. В. Гиббса и др. стало ясно, что метафора может не только иметь «разовый», индивидуальный характер, основываясь на том или ином концепте, свойственном данной культуре, но и опираться на определенный, устойчивый сценарий (фрейм). Классические образцы метафорических сценариев, наиболее часто упоминаемые в литературе, это СПОР ЭТО ВОЙНА,

ЖИЗНЬ ЭТО ПУТЕШЕСТВИЕ (РОЖДЕНИЕ ЭТО ПРИЕЗД, СМЕРТЬ ЭТО ОТЪЕЗД), ЖИЗНЬ ЭТО (или КАК) ИГРА, СМЕРТЬ КАК СОН, ЖИЗНЬ КАК ПЛАМЯ, ВРЕМЯ КАК ВОР и т. п. Все эти «концептуальные метафоры» проявляются наиболее ярко в развитии у слова переносных значений, а также в изменении его сочетаемости.

Однако в лингвистической литературе появляются попытки применить данные сценарии и к материалу большему, чем слово. В частности, немецкий лингвист Б. Дебатин считает естественным, что «исследование метафоры переносится с уровня лексем на уровень предложений, высказываний и текстов» [Debatin 1995: 97], а Э. Роос, пытающийся на практике применить когнитивистский подход к идиоматике, утверждает, что идиоматизация и демотивация словосочетания происходит на базе уже выработанных в сознании концептов ([Roos 2001: 181]). Польская исследовательница А. Пайдиньска прямо пишет, что многие фразеологизмы возникают как реализация понятийных метафор, типа ЖИЗНЬ ЭТО ПУТЕШЕСТВИЕ (*ktoś wybrał jakoś drogę, ktoś zszedł na manowce, ktoś jest na zakręcie*), ЧУВСТВА ЭТО ОГОНЬ (*ktoś płonie nienawiścią, czyjaś miłość gaśnie, żar miłości*) и т. п. ([Pajdzińska 2002: 179]). Все это вполне соответствует общему взгляду на метафору как на важнейшую форму организации человеческого опыта. Прочитаем Дж. Лакоффа и М. Тёрнера: «Поэзия способна наставлять нас, на что следует обращать внимание, как надо понимать и как устраивать нашу жизнь. В качестве простейшей формы такой поэзии часто рассматриваются пословицы» [Lakoff, Turner 1989: 160].

Вместе с тем не подлежит сомнению, что если какие-то устойчивые выражения являются (в современном языке) идиоматичными, немотивированными, то это создает проблемы для их соотнесения с когнитивными сценариями. В данном смысле приходится признать, что многие паремии сопротивляются истолкованию их в когнитивистском ключе. И вообще, на наш взгляд, применять указанный подход к паремиологическому материалу следует чрезвычайно осторожно, с оговорками, памятуя о нескольких обстоятельствах.

Во-первых, пословицы и поговорки в основной своей массе архаичны, то есть отражают не современное, а некоторое древнее состояние народного духа. Архаичность в данном плане представляет собой не только достоинство, но и недостаток. Нельзя считать, что народный менталитет по большому счету остается неизменным: изменения в общественной психологии и идеологии медленно, но все же происходят. Допустим, что нам даны такие выражения, как рус.

Бабе дорога от печи до порога, Баба с возу – кобыле легче; Волос долог – ум короток; Муж в поле пахать, а жена руками махать; Семь топоров вместе, а две прялки врозь; белор. *Чорт сам не прыйдзе, дык бабу прышле; Жонку любі як душу, а калаці як грушу; З жонкаю, як з бараною ў лесе;* польск. *Baba diabłu leb urwala; Pe białych wron, tyle mądrych żon; Gdzie baba, tam i płu;* сербск. *У жене је дуга коса, а кратка памет* и им подобные. При всей их распространенности в славянских языках вряд ли на этом основании можно делать вывод о каких-то гендерных предпочтениях и ориентациях современного общества. Пренебрежительное отношение к женщине, свойственное предыдущей эпохе, сталкивается сегодня с новыми фактами социального быта – такими, как появление «бизнесвумен», изменение отношения к матерям-одиночкам, развитие новых женских видов спорта (культуризм, футбол и т. п.). Показательна в данном плане и современная крылатика, особенно выражения, пришедшие со сцены или с экрана: *Без женщин жить нельзя на свете, нет! Если женщина просит...; Ах, какая женщина! Женщина, которая поет...; А ну-ка, девушки, а ну, красавицы!* и т. д. Все это, по-видимому, свидетельствует о постепенном изменении – в данном фрагменте – картины мира, свойственной русскоязычному (и не только!) сознанию.

Поэтому опора на фразеологический и паремиологический материал при изучении народного менталитета небезопасна: она уводит исследователя в глубь эпох. Более того, стремление найти непосредственные зависимости между фольклорными образами и мировосприятием, свойственным данному народу, может привести к прямым подтасовкам и спекуляциям (ср. [Мокиенко 1996: 223]).

Второе обстоятельство, которое следует учитывать при содержательной интерпретации паремий, – это то, что пословицам и поговоркам присуща особая экспрессивность, эстетическая отмеченность. Эта экспрессивность может основываться на некотором психологическом образе, гештальте, но может создаваться и исключительно за счет языковых, довольно случайных, в общем-то, средств – таких, как аллитерация, рифма, имена собственные, синонимические или антонимические связи и т. п.

Так, сравнивая материал современных славянских языков, нетрудно обнаружить в сфере паремиологии случаи, несомненно обусловленные фонетической и грамматической структурой соответствующего языка. По-русски, если хотят подчеркнуть духовную общность супругов, говорят: *Муж и жена – одна сатана*. Почему *сатана*? Ведь сатана – это дьявол, нечистая сила! Откуда такая отрицательная

оценка сходства и единства супругов? Ответ прост: *жена* рифмуется с *сатана*, и все. В то же время другие славянские языки дают свои варианты решения данной проблемы. В белорусском, кроме аналогичного *Муж і жана – адна сатана*, есть также *Гаспадар і жонка – адна кішонка*; *Гаспадар і баба – адна рада*; в сербском *Састало се зло и горе да се мало поразговоре*; в польском *Mąż i żona, kruk i wrona* (*kruk* и *wrona* – очень похожие, близкие птицы). Понятно, что выбор объекта сравнения для супружеской пары обусловлен здесь в значительной мере случайными причинами, говоря конкретно – созвучиями.

В связи со сказанным уместно вспомнить слова Лео Вайсгербера, который писал, что именно форма обусловила содержание ряда немецких пословиц, смысл которых, по его мнению, случаен и зависит только от рифмовки слов: *Ehestand – Wehestand* «брак – это горе», *Würden sind Bürden* «почести – это тяготы» и т. д. Если же стремиться к теоретическим обобщениям, то и здесь, надо признать, многое уже сделано. Так, Ст. Сятковский, трактуя пословицы и поговорки как своего рода художественные мини-тексты, указывает на особую сложность природы паремиологического знака: в нем, кроме эксплицитно-инвариантного и имплицитно-вариантного семантических планов, обязательно присутствует также третье – условно-эстетическое пространство ([Siatkowski 2000: 464–465]).

Третье обстоятельство, которое следует иметь в виду при применении когнитивистских методов к паремиологическому материалу, – это то, что оценка одного и того же концепта даже в рамках одной культуры может быть амбивалентной, противоречивой. Это естественно ведет к появлению языковых выражений с различным, иногда противоположным, смыслом. Сравним оценку концепта «работа» в русских паремиях. С одной стороны – РАБОТА ЭТО ХОРОШО (БЛАГО): *Кто не работает, тот не ест; Труд на ноги ставит, а лень валит; Без труда не вытащишь и рыбку из пруда; Терпение и труд все перетрут; Труд человека кормит, а лень портит; Не откладывай на завтра то, что можешь сделать сегодня; Дело мастера боится* и т. п. С другой стороны – РАБОТА ЭТО ПЛОХО (ЗЛО): *Работа не волк, в лес не убежит; Работа дураков любит; Ешь – потей, работай – мерзни; Всех дел не переделаешь; Лень раньше нас родилась; Счастье придет и на печи найдет; Умный в гору не пойдет, умный гору обойдет* и т. п. Аналогичные противоречия мы находим и в материале других славянских языков, ср., например, в сербском: с одной стороны, *Ко ради, не боји се глади; Нема хљеба без мотике; Ко се дима не надими, тај се ватре не огрија* и т. п., а с

другой – *Будала и на свадби нађе посла; Посао није зец, неће побјећи* и т. п.

Ничего удивительного в такой амбивалентной оценке феномена «работа» нет; народная мудрость и в других случаях столь же противоречива (ср., скажем, оценку, которую дают пословицы и поговорки концептам «женщина», «старость», «молодость», «богатство» и др.). Паремии архаичны и семантически условны, и в этом смысле их нельзя считать точным отражением наивно-языковой картины мира.

Покажем это еще на одном примере: паремиях, основанных на концептуальном противопоставлении СВОЕ – ЧУЖОЕ («СВОЕ ЛУЧШЕ, ЧЕМ ЧУЖОЕ»). Данный смысл лежит в основе множества выражений, вроде *Своя рубашка ближе к телу; Свой хлеб сытнее; Своя ноша не тянет; Чужое горе оханьем пройдет; Чужое добро не впрок; Чужая душа – потемки; Каждый кулик свое болото хвалит; Всякая сосна своему бору шумит; В чужой монастырь со своим уставом не суйся; С волками жить – по-волчьи выть; Знай сверчок свой шесток* и т. п. Во всех случаях мы имеем дело с эксплицитным или имплицитным противопоставлением своего и чужого. Но как они различны, эти выражения, по своей аксиологии и прагматике! Тут есть и принципиальное неприятие чужого, и пренебрежительное отношение к нему, и вынужденное подчинение чужому, и вынужденное согласие со своим, и назидание не выходить за пределы своего и т. д. Кроме того, наряду с позитивной оценкой своего и негативной – чужого существуют и паремии с «обратной» расстановкой аксиологических знаков: «ЧУЖОЕ ЛУЧШЕ, ЧЕМ СВОЕ», вроде *В чужом саду яблоки слаще; Чужой ломоть лаком; Не береги свое, береги чужое; Чужого на свой аршин не меряй* и т. п.

Такой же неоднозначной оказывается оценка своего и чужого и в других славянских культурах, ср., в частности, сербские пословицы и поговорки: *Своје бреме није тешко; Свакоме је своје најслађе; Од туђега туга бије, а од свога сунца грије; Сваки циганин свог коња хвали; Свака туђа коза пуна је лоја*; болгарские: *Всеки мечкар своята мечка хвали; Собствен ярем не стяга; Чуждата кокошка е поголяма от нашата гъска*; польские: *Kto swego nie ma, ten cudzego nie szanuje; Myśl o swoim, zapomnij o cudzym; Cudze nie tuczy; Cudze zawsze lepsze* и др.

Если в рамках одной языковой культуры паремии противоречиво оценивают действительность, то тем более рискованно переносить различия, обнаруженные между паремиями разных языков, на мен-

талитет данных народов. Продемонстрируем это еще на одном примере.

Метафора ВРЕМЯ (ЭТО) ДЕНЬГИ упорядочивает наши поступки (в том числе речевые), связанные с измерением времени, по образцу, принятому нами по отношению к деньгам, ср. выражения типа: *тратить* (или *экономить*) *время*; *использовать время с выгодой*; *Время дороже денег*; *Кто не знает цены времени, тот не рожден для славы*; *Это стоило мне немало времени* и т. д. Но тот же самый концепт ВРЕМЯ участвует в других сценариях, с образованием иных видов паремий. Примером может служить сценарий ВРЕМЯ КАК ВОДА (ветер, песок и т. п.), ср. русские выражения: *Время бежит как вода*; *Времени не поворотишь*; *Год прожить – не реку переплыть*; *Нет ничего такого, чего бы не поглотило время*; *Время все сглаживает* и т. п.

Понятно, что сам концепт времени обладает разными сторонами, и надо быть весьма осторожным, чтобы не абсолютизировать какую-то из этих сторон в качестве мировоззренческой.

Покажем это на одном примере – русской поговорке *Утро вечера мудренее*.

Эта паремия употребляется в ситуации, когда решение трудного вопроса предлагается отложить на завтра. Слово *мудреный* здесь означает, конечно, не ‘сложный, запутанный’, а ‘умный’ или ‘знающий, обладающий информацией’. *Утро* и *вечер* – обозначения времени, а точнее, отрезка суток, следующего за ночью и (соответственно) предшествующего ей. Каков же смысл поговорки? Наутро человек станет чуть умнее, и ему легче будет решить проблему. Понятно, что данная трактовка связана с некоторой идеализацией утра в народном (наивном) представлении, ср. существующие во многих языках мира выражения типа *Кто рано встает, тому Бог дает*; *Утренний час дарит золотом нас*, сербск. *Ко рано рани, две среће граби*; болг. *Денят се познава от сутринта*; англ. *The early bird catches the worm* и т. п.

Но интересно, что в немецком языке русской поговорке *Утро вечера мудренее* соответствует *Der Abend ist klüger als der Morgen*. Здесь получается все наоборот: вечер умнее, чем утро! И возникает соблазн объяснить различие между русской и немецкой паремиями особенностями национального характера или культурными стереотипами. Немец, мол, практик и труженик, он полагается на себя, на свои знания, приобретенные в ходе трудового дня. К вечеру он становится опытнее, и это помогает ему разобраться с проблемой. Рус-

ский же – фаталист и метафизик, он полагается на случай, на удачу, на провидение. Может быть, за ночь проблема сама «рассосется»!

Но это поверхностное решение. Во-первых, потому, что в немецком фольклоре также представлены выражения, советующие не торопиться с принятием решения, а отложить его на завтра (*Morgen ist auch noch ein Tag; Laß uns / mich das noch überschlafen; Über Nacht kommt guter Rat* и т. п.). Во-вторых, там тоже имеются поговорки, подчеркивающие преимущества утра как поры суток, ср.: *Morgenstunde hat Gold im Munde; Der Morgen sorgt, der Abend verzehrt; Die Morgensonne hat mehr Anbeter als die Abendsonne; Früh aufstehn und früh freien tät niemand gereuen* и т. п. В-третьих, при более глубоком рассмотрении оказывается, что в основе смысла русской и немецкой поговорок лежит одно и то же сравнение, один и тот же сценарий: ВРЕМЯ КАК ЧЕЛОВЕК. Как человек с возрастом мудреет, так и время постепенно набирается опыта и становится способно (само) решить свои проблемы. Получается, что глубинный смысл русского и немецкого выражений один и тот же: ‘следующий отрезок времени лучше («умнее»), чем предыдущий’! Это подтверждается и соответствиями типа нем. *Mann soll den Tag nicht vor dem Abend loben* и рус. *Хвали утро вечером* или *Хвали жизнь при смерти, а день вечером*.

То же самое сравнение – ВРЕМЯ КАК ЧЕЛОВЕК – лежит в основе многих других поговорок: *Время – лучший лекарь; Время не ждет; Время всему научит; Время работает на нас; День прошел – все свое с собой унес; Убить бы день, а ночи не увидим; У каждого времени свои песни* (ср. сербск. *Вријеме ради за нас; Вријеме не чека; Вријеме е најбољи лекар*; болг. *Времето е стар учител; Времето само град гради и времето го пак разгражда; Години се лъжат, старост не може*; польск. *Czas wszystko leczy; Każdy czas ma swoją twarz; Czas pracuje na naszą korzyść*) и т. п. Получается, что время учит, лечит, ждет, поет, работает, строит, оно приходит и уходит, его можно убить или обмануть – словом, оно ведет себя как человек!

Еще одна метафорический сценарий – это хорошо известная модель ВРЕМЯ КАК ПРОСТРАНСТВО. Дело в том, что измерение пространства человек освоил раньше, чем измерение времени, и первая модель послужила своего рода основанием для второй. Вообще трактовка времени как своего рода территории, со всеми вытекающими отсюда последствиями, является, по-видимому, языковой универсалией. Во всяком случае, это объясняет семантическую структуру следующих русских поговорок: *День прошел, и к смерти ближе; Век не поле: вдруг не перескочишь; Жизнь прожить – не поле пе-*

Славянский вестник. Вып. 2. М.: МАКС Пресс, 2004. 608 с.

рейти; Новый год – к весне поворот; От осени к лету поворота нету; На версту отстанешь – на десять не догонишь; Год не неделя, а все дни впереди и т. п. Аналогичные выражения нетрудно найти и в других славянских языках.

На примере славянских паремий можно продемонстрировать и другие когнитивные сценарии, например: ВЕЩИ КАК ЛЮДИ, ЖИВОТНОЕ КАК ЧЕЛОВЕК, МЕРА КАК ПРОСТРАНСТВО и др.

Можно ли считать, что эти и им подобные сценарии составляют систему? И, возвращаясь к поставленному ранее вопросу о месте метафоры в когнитивной деятельности, повторим сомнения, высказанные великим немецким языковедом: «Помогает ли язык прояснению и правильному упорядочению понятий или нагромождает трудности на этом пути? В какой мере он сохраняет в представлениях, почерпнутых из наблюдений, присущую ему чувственную образность?» [Гумбольдт 1984: 58]

По-видимому, следует согласиться с тем, что метафоры не только служат «украшательству» речи, но и «пронизывают всю нашу повседневную жизнь» [Лакофф, Джонсон 1990: 387], формируют новые мыслительные схемы и категории, двигают вперед науку и вообще познание. Во всяком случае, образ, лежащий в основе понимания того или иного фрагмента действительности, в значительной степени определяет поведенческую стратегию человека по отношению к этому фрагменту.

Несомненно также, что метафора создает системную основу для развития идиоматики. Но считать ее единым или даже основным способом формирования паремиологического и фразеологического фонда языка нельзя: этому мешают такие свойства устойчивых выражений, как архаичность, экспрессивность и амбивалентность. Можно сказать, что когнитивная ценность сценариев, заложенных в паремиях, относительно невелика.

Л и т е р а т у р а

Балканска народна мъдрост 1968 – Балканска народна мъдрост. Успоредици на български, сръбски, турски, румънски, гръцки и албански пословици и поговорки / Съст. Н. И. Икономов. София, 1968.

Гумбольдт 1984 – Гумбольдт В. фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М., 1984. С. 37–298.

Жуков 1968 – Жуков В. П. О словаре пословиц и поговорок // Словарь русских пословиц и поговорок / Сост. В. П. Жуков. 3-е изд. М., 1968. С. 7–22.

Киришова 2001 – Киришова М. Фразеологизмы с числительными в русском языке и их соответствия в сербском // Славистика. V. Београд, 2001. С. 80–84.

- Котова 2000 – *Котова М. Ю.* Русско-славянский словарь пословиц с английскими соответствиями / Под ред. П. А. Дмитриева. СПб., 2000.
- Лакофф, Джонсон 1990 – *Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры / Сост. Н. Д. Арутюнова. М., 1990. С. 387–415.
- Левин 1988 – *Левин Ю.* Заметки о семиотике лозунгов // Wiener Slawistischer Almanach. Bd. 22. 1988. S. 69–85.
- Мечковская 2002 – *Мечковская Н.* Афористика: судьба жанра в семиотическом освещении // Wyraz i zdanie w językach słowiańskich. 3. Opis, konfrontacja, przekład / Pod red. I. Łuczaków i J. Sokołowskiego. (Slavica Wratislaviensia. CXVII). Wrocław, 2002. С. 183–189.
- Мокиенко 1996 – *Мокиенко В. М.* Славянские и немецкие пословицы (проблемы типологического и историко-этимологического сопоставления) // Gladrow W., Heyl S. (Hrsg.). Slawische und deutsche Sprachwelt. Typologische Spezifika der slawischen Sprachen im Vergleich mit dem Deutschen (Berliner Slawistische Arbeiten. Bd. 1). Frankfurt am Main, 1996. S. 222–236.
- Солодуб, Альбрехт 2002 – *Солодуб Ю. П., Альбрехт Ф. Б.* Современный русский язык. Лексика и фразеология современного русского литературного языка. М., 2002.
- Телия 1996 – *Телия В. Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996.
- Толстой 1995 – *Толстой Н. И.* Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995.
- Шанский 1969 – *Шанский Н. М.* Фразеология современного русского языка. 2-е изд. М., 1969.
- Burger, Buhofer, Sialm 1982 – *Burger H., Buhofer A., Sialm A.* (eds). Handbuch der Phraseologie. Berlin; New York, 1982.
- Čelakovský 1949 – *Čelakovský F. L.* Mudrosloví národu slovanského ve příslovích. Praha, 1949.
- Debatin 1995 – *Debatin B.* Die Rationalität der Metapher. Eine Sprachphilosophische und kommunikationstheoretische Untersuchung. Berlin; New York, 1995.
- Lakoff, Turner 1989 – *Lakoff G., Turner M.* More than Cool Reason. A Field Guide to Poetic Metaphor. Chicago; London, 1989.
- Lüger 1999 – *Lüger H.-H.* Satzwertige Phraseologizmen. Eine pragmalinguistische Untersuchung. Wien, 1999.
- Pajdzińska 2002 – *Pajdzińska A.* Frazeologia w paradygmacie kognitywistycznym // Z polskich studiów slawistycznych. Seria X. Językoznawstwo. Warszawa, 2002. S. 175–181.
- Roos 2001 – *Roos E.* Idiom und Idiomatik. Ein sprachliches Phänomen im Lichte der kognitiven Linguistik und Gestalttheorie. Aachen, 2001.
- Sandig 1994 – *Sandig B.* Zu Konzeptualisierungen des Bewertens, anhand phraseologischer Einheiten // Europhras 92. Tendenzen der Phraseologieforschung. Bochum, 1994. S. 549–596.
- Siatkowski 2000 – *Siatkowski S.* О паремииологии и семиотической природе паремий // Studia Rossica XI. Cz. II. Leksyka i leksykografia. Paremiologia i paremiografia. Warszawa, 2000. С. 455–466.